
Говорят, что для усовершенствования того или другого таланта нужно подышать воздухом Парижа.

Луи Себастьян Мерсье,
«Картины Парижа»

Дух Парижа

Между Вавилоном и Афинами

Уроженец Марселя Клод Шарль Пейссоннель, автор популярных «Номеров», издававшихся в 1782–1784 годах, называл столицу Франции «слепком вселенной — огромным и бесформенным городом, полным чудес, добродетелей, пороков и нелепостей». «Номера», хотя и печатались в Амстердаме, были, в сущности, сугубо парижским изданием: центральное место в них занимали пестрые очерки столичной жизни, да и писались они языком, который был более привычным для парижан, чем для жителей провинции — бойким, дерзким, густо пересыпанным остротами и парадоксами. На страницах этих сборников Пейссоннель иронически живописал нравы парижан, присматривался к их повседневным привычкам и политическим пристрастиям, посмеивался над их взглядами на воспитание детей и на ведение домашнего хозяйства, удивлялся их готовности слепо следовать капризам моды и верить невероятным слухам. Из нарочито небрежных мазков, в которых бытовые зарисовки и политические максимы чередовались с рассуждениями нравственного или эстетического толка, складывалась общая картина бурлящей событиями столичной жизни. Публицист следил за непрерывной сменой декораций на этой сцене, но даже

Вид на стрелку острова Сите
от колоннады Лувра

Художник В. Ж. Николь.
Вторая половина XVIII в.

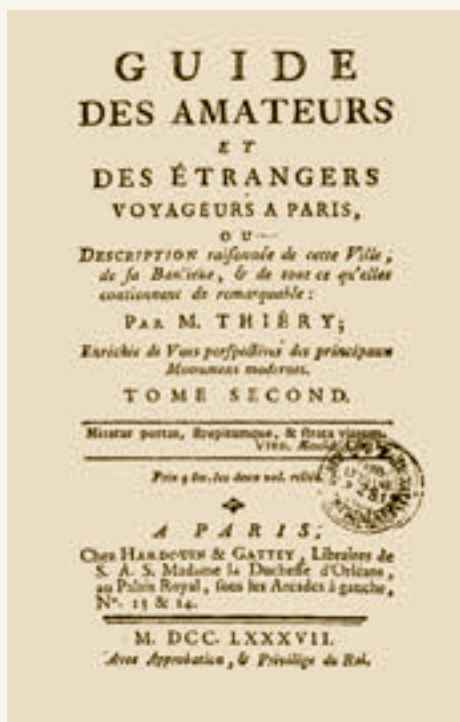

Расклещик афиш

Художник Э. Бушардон.
Рисунок из серии
«Крики Парижа». 1742 г.

Пятое издание
«Путеводителя по Парижу
для любителей и иностранных
путешественников» Л. В. Тьери

1787 г.

не пытался серьезно разобраться в корнях происходящего, торопясь запечатлеть свои впечатления. «Я пишу от безделья, я берусь за перо для забавы и бросаю его от скуки», — признавался Пейссоннель.

Поверхностность и легкомыслие парижан подмечали многие литераторы того времени. Маркиз Караччоли, итальянец, родившийся в столице Франции и посвятивший ей брошюру с красноречивым заголовком «Париж — образец для других наций» (1777), признавал, что хотя парижанам и присущи острое любопытство и наблюдательность, их внимание не задерживается долго на одном предмете. Так, к книгам столичная публика относится, как к цветам: она любит новинки и охотно вдыхает их свежий аромат, но как только вкус новизны проходит, о книге забывают, как о засохшем букете. Маркиз де Люше, автор книги «Париж в миниатюре» (1784) считал, что особый шарм обитателям столицы придает легкость их характера, которую он объяснял непостоянством парижского климата. А Денис Иванович Фонвизин, проживший в Париже всего несколько месяцев 1778 года, успел заметить, что здесь «одна новость заглушает другую, и новая песенка столько же занимает публику, сколько и новая война. Здесь ко всему совершенно равнодушны, кроме вестей. Напротив того, всякие вести рассеваются по городу с восторгом и составляют душевную пищу жителей парижских».

Во второй половине XVIII века сочинители, писавшие о Париже, редко всерьез интересовались его прошлым. Шевалье де Жокур, автор статьи «Париж» (1765) в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера, включил в нее беглый очерк истории французской столицы, но был уверен, что читателей больше интересуют нравы и характеры современных парижан, чем «так называемые древности» города, его топография или былая слава. Серьезных трудов по истории Парижа за эти полстолетия появилось совсем немного, а из того, что было опубликовано, упоминания заслуживают лишь «История города Парижа и его диоцеза» (1754–1758) аббата Лебёфа, посвященная прошлому церковных учреждений столицы, а также «Критические, исторические и топографические исследования Парижа» (1772–1775) замечательного картографа Жана-Батиста Рену де Шевинье.

Зато разного рода альманахи и путеводители печатались в изобилии: наплыв приезжих из провинции и из-за границы создавал устойчивый спрос на книжную продукцию такого рода. Наиболее подробными были путеводители по Парижу, издававшиеся Люком Венсаном Тъери в 1783–1796 гг. Полезные и практические сведения содержались в альманахе адвоката Жеза, перепечатывавшемся под разными названиями в 1754–1765 гг., и в «Историческом словаре города Парижа и его пригородов» Юрто и Маньи, появившемся в 1779 г. Продолжали переиздаваться дополненные версии старого «Описания

Читатели новостей

Гравюра. 1786 г.
Иллюстрация к фантастическому роману Л. С. Мерсье «Год 2440»

Французский шарлатан

Рисунок Ж. Дюплесси-Берто. 1776 г.
Гравюра И. С. Эльмана. 1777 г.

Луи Себастьян Мерсье

Гравюра. XVIII в.

города Парижа» Жермена Бриса (его первое издание увидело свет еще в 1684 г.).

Чем же Париж притягивал людей? Если в эпоху Регентства образованные иностранцы ехали туда главным образом для того, чтобы заглянуть под своды Королевской библиотеки, поддержать в руках уникальные рукописи и полистать редкие книги, то в середине XVIII столетия люди устремились в столицу Франции, чтобы научиться искусству жить или усовершенствоваться в нем. Не случайно английский аристократ лорд Честерфилд готовил своего отпрыска к встрече с этим городом с искренним волнением: «Близок день, когда ты поедешь в Париж; поездка эта в том или другом отношении будет иметь огромные последствия для тебя». А в 1753 г., когда эта встреча уже состоялась, Честерфилд напоминал сыну, как важен будет для него этот опыт в дальнейшей жизни: «Между человеком, чьи знания складываются из опыта и наблюдений над характерами, обычаями и привычками людей, и человеком,

почерпнувшим всю свою ученость из книг и возведшим все прочитанное в систему, столь же большая разница, как между хорошо объезженной лошадью и ослом».

Луи Себастьян Мерсье, автор замечательных, похожих на разноцветную мозаику «Картин Парижа» (1781–1788), к которым мы не раз будем обращаться на страницах этой книги, уподоблял столицу Франции новому Вавилону: «В Париже человеку, умеющему размышлять, нет надобности выходить за городские стены, чтобы познакомиться с людьми из других стран: он может узнать весь человеческий род, изучая людей, копошащихся, подобно муравьям, в этой колоссальной столице. Здесь вы найдете азиатов, лежащих целыми днями на гудах каменных плит; лапландцев, прозябающих в тесных лачугах; японцев, распарывающих друг другу животы при малейшей ссоре; эскимосов, не имеющих никакого понятия о своем веке; белых негров и квакеров, носящих шпагу. Вы найдете здесь нравы, обычаи и характеры народов отдаленнейших стран: химика, поклоняющегося огню, любознательного идолопоклонника, скупающего статуи, бродягу-араба, ежедневно шатающегося взад и вперед по городскому валу в то время, как праздный индеец и готтентот проводят дни в лавках, на улицах и в кофейнях. Здесь вот живет добрый персиянин, снабжающий бедных лекарствами, а на одной с ним площадке — ростовщик-людоед. Наконец, вы встретите здесь браминов и факиров, ежедневно занимающихся мучительно трудными упражнениями, и гренландцев, у которых нет ни алтарей, ни храмов. А все рассказы об античном сладострастном Вавилоне

претворяются здесь каждый вечер в жизнь в храме, посвященном Гармонии».

Вавилон? А может быть, Афины? Мерсье допускал и такое: «Париж напоминает собой древние Афины: прежде желали заслужить похвалы афинян, в наши дни добиваются одобрения столицы Франции». Наверное, парижан переполняла гордость, когда их сравнивали с жителями античного полиса. Однако в этом сравнении крылся и подвох: афинян не раз упрекали в том, что они предпочитали сердцу разум, а добродетели — корыстный расчет. Поэтому Жокур напоминал читателям «Энциклопедии», что знаменитый оратор Исократ уподоблял Афины куртизанке: проводить с ней время и восхищаться ее красотой готовы многие, но вступать с ней в брак не желает никто.

Литераторы часто обвиняли Париж (как, впрочем, и иные европейские столицы) в неумеренной роскоши, в поощрении праздности, в развращении нравов. Во второй половине XVIII столетия эти обвинения звучали особенно громко, как, например, в романе Никола Эдма Ретифа де ла Бретонна «Совращенный поселянин» (1775). Авторы охотно расписывали трагедии неискушенных и чистых душой провинциалов, ставших жертвами безнравственности, царившей в столице. Но в большинстве случаев эти сюжетные коллизии не были оригинальными и строились на подражании сценам из романов английских писателей — Ричардсона, Филдинга или Смоллетта.

На самом деле приезжие чаще рисковали расстаться со своими деньгами, чем с нравственными принципами. Жан Жак Рутлидж

Вид на Сену, остров Сите и Новый мост

Художник Н. Рагне. 1763 г.

Чернокожий слуга, достающий
бутылки из таза со льдом

Гравюра Ф. Буше
по оригиналу А. Ватто. 1726 г.

(«Англичане в Париже», 1776), Шарль Пейссоннель («Номера», § 26) и Амеде Доппе («Парижские номера», 1788) описывали множество уловок, с помощью которых столичные мошенники облегчали карманы доверчивых провинциалов и иностранцев. Такое могло случиться даже в уважаемой Опере, где в 1784 г. бесовский кассир ухитрился взять с английской супружеской пары двойную цену за билеты на «Дидону» Пиччини. Молодой лотарингский магистрат Франсуа Коньель, посетивший Париж в 1787 г., с грустью отмечал, что местные трактирщики с первого взгляда распознают приезжих и обслуживают их хуже, чем парижан.

А ведь еще совсем недавно у парижан была иная репутация. Считалось, что они приветливы и легко сходятся с людьми, а если и тратят больше, чем зарабатывают, то уж во всяком случае щедрый и запросто ссужают деньгами случайных знакомых, даже иностранцев, не требуя гарантий. Впрочем, Мерсье не слишком упрекал жителей столицы за то, что они растеряли эти симпатичные свойства: «Иностранец, приезжающий в Париж, часто бывает введен в заблуждение: он воображает, что несколько рекомендательных писем откроют ему настежь двери наиболее знатных домов. Это большая ошибка — парижане избегают сближаться с людьми, боясь, что такие отношения потом будут им в тягость. Проникнуть в старинные дворянские дома очень трудно; нелегко также попасть и в дома разбогатевшей буржуазии. Толпа ловких и смелых авантюристов, представительных по внешности, столько уже раз обманывала доверчивых людей, что теперь ко всем иностранцам стали относиться с большой осторожностью. К тому же прием друзей и знакомых отнимает столько времени, что поддерживать еще знакомство с человеком, которого будешь видеть всего лишь в течение нескольких месяцев, уже нет возможности».

Столица Франции представляла собой огромное людское море. В отличие от деревень и небольших городков, где жители знали друг о друге все и не могли укрыться от назойливого внимания соседей и знакомых, Париж дарил своим обитателям редкую возможность раствориться в толпе. По словам Ретифа де ла Бретонна, столица была единственным местом в королевстве, где люди могли почувствовать себя песчинками на морском берегу. Эта анонимность усугублялась тем, что судить о парижанах по их внешнему виду было непросто. Если верить Мерсье, толстяк в поношенном камзоле, потягивающий пиво в кабачке, запросто мог оказаться финансистом, ссужающим королю миллионы на содержание армии, флота и двора, нарядная красавица с букетом цветов у корсажа — сборщицей церковных подаяний, щеголь с кружевными манжетами — обычным писарем, а хвастун, выставляющий напоказ золотые часы, — слугой. Подражая знати, простолюдины обзаводились шпагами и тростями, хотя не имели на это права. Молодые магистраты старались походить на военных и страшно боялись разоблачения. Клирики украшали грудь мальтийскими крестами. Священнослужители пудрили парики и носили кружева, рядясь под галантных кавалеров. Мерсье язвительно писал:

Чтобы иметь представление о чередованье мод <...>, достаточно сравнить портреты епископов различных эпох. Самые ранние по времени носят на всей своей внешности печать евангельской простоты и важности исполняемых ими обязанностей; во втором поколении суровые лица, длинные бороды и грубые одежды уже исчезают; в третьем — у епископов появляются веселые лица, красиво развевающиеся волосы, изысканные одежды. Взгляните теперь на портрет одного из наших прелатов,

Иллюстрация к роману Ретифа де ла Бретонна «Совращенный поселянин»

Иллюстрация к роману Ретифа де ла Бретонна «Совращенная поселянка»

выставленный в Салоне, — у него розовые щеки, пунцовые губы, ласкающий взор. Молодой прелат теперь почти то же, что светский щеголь.

Парижане стремились не отстать от непрерывно менявшейся моды. Столичные мастера — портные, ювелиры, шляпники, краснодеревщики, зеркальщики и вообще все ремесленники, чьи изделия предназначались для украшения жизни, — трудились не покладая рук, обновляя модели, внося в них все новые черты и краски. Знайки моды могли точно определить, сколько времени назад знаменитая модистка Роза Бертен пошила то или иное платье и в каком именно году известный мебельщик Луи Делануа изготовил то или иное кресло. В провинции моды менялись медленнее, наряды носились дольше, а массивные сервизы и шкафы, прослужив десяток лет, продолжали считаться новыми. В столице же все происходило стремительно, и хотя каждая новая мода поначалу непременно подвергалась осуждению, ее яростные критики вскоре становились ее верными последователями. По словам Мерсье, новые модели шляп появлялись там еженедельно, а расходы парижан на одежду намного превосходили расходы на стол и экипажи. Караччоли, в свою очередь, утверждал, что именно неутомимая погоня за модой развила у жителей столицы любовь к пешим прогулкам по паркам и лужайкам: они позволяли модникам и модницам демонстрировать свои обновки и выискивать новые фантазии в нарядах окружающих.

Старик, сидящий на стуле

Гравюра Ф. Буше
по оригиналу А. Ватто. 1726 г.

Парижане были в курсе последних новинок благодаря модным журналам — изданиям, богато иллюстрированным цветными гравюрами: «Галерее мод и французских костюмов» Гийома Франсуа Моле (1779–1781), «Кабинету мод» Жана Антуана Лебрена (1785–1786) и «Журналу новых мод» Франсуа Бюиссона и Эдма де Совиньи (1785–1789). Разумеется, их страницы заполнялись по большей части картинками с женскими нарядами, но не были забыты также мужское и детское платье, мебель, ювелирные изделия. На гравюрах часто изображались не просто новые модели, но забавные сценки, сопровождавшиеся комментариями такого рода: «Дама в платье à la polonoise из красной тафты поправляет подвязку на своей стройной ножке». «Молодая кухарка, недавно приехавшая из провинции, принаряжается по-столичному». «Начинающий актер на прогулке разучивает новую роль». «Нарядившись для выхода, дама вспоминает, что забыла вымыть ноги, и приказывает служанке поскорее принести тазик с водой».

Мода распространялась не только на одежду, украшения и предметы обстановки, но и на манеру держаться, на жесты и слова. К примеру, Мерсье сообщал своим читателям, что к началу 1780-х годов мода на «любителей галантных приключений», вечно замешанных в любовные истории, в Париже совершенно прошла, зато появился новый тип мужчин — *l'Élegant*:

Такой человек не душитя амброй, его фигура не принимает в продолжение одной секунды несколько различных поз; его ум не испаряется в комплиментах, расточаемых до изнеможения; его фатовство носит спокойный, рассчитанный, изученный характер. Он предпочитает заменять ответ улыбкой. Он беспрестанно смотрится в зеркало, и его взоры постоянно обращены на самого себя, точно для того, чтобы обратить всеобщее внимание на пропорциональность его фигуры и на безукоризненно сшитое платье.

Что же касается женщин, то, по словам Мерсье, они вдруг перестали жеманиться, злоупотреблять восклицаниями вроде «восхитительно!» или «непостижимо!» и начали говорить с подчеркнутой простотой. «Женщины, даже из буржуазных семейств, больше не говорят

Аббат, принарядившийся для визитов

Эстамп. 1780-е гг.

Кокетливый аббат

Эстамп. XVIII в.

Прическа «принцесса»

Иллюстрация
из модного журнала. 1781 г.

Модная прическа

Карикатура. 1767 г.

про себя, что они страшны как смертный грех и что ничего не может быть ужаснее их туалета. Все это уже не в моде, и мы милостиво предупреждаем об этом провинциальных дам, которые еще продолжают придерживаться старины».

Парижская мода, за которой следили во всех уголках Европы, время от времени и сама испытывала внешние влияния. Так, с начала 1770-х годов и на протяжении десятка лет парижане усердно подражали всему лондонскому. В связи с этим в Париже появились свой Ранелаг (большой бальный павильон), два вокхолла (зимний и летний) для балов, празднеств и спектаклей, Венсеннский ипподром, устроенный по образцу Ньюмаркета, кабриолеты *à l'anglaise* и, наконец, пунш, о продаже которого сообщали вывески парижских кафе. Женщины надели легкие шляпки и мягкие платья без каркасов, а их кавалеры обрядились в рединготы

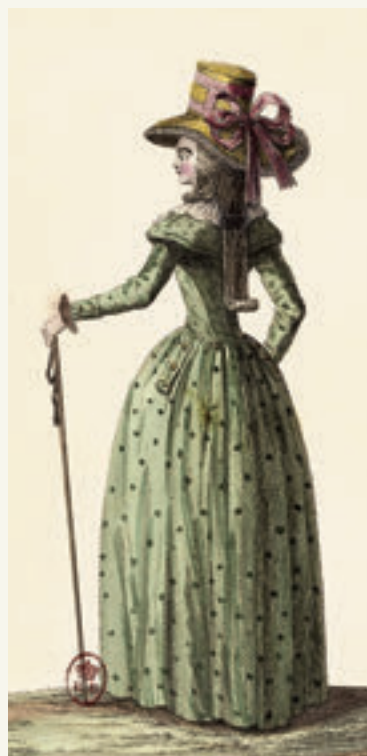
с отложными воротниками и водрузили на головы котелки и цилиндры (их носили на непудренных волосах, выпуская вихор на лоб). В салонах мужчины напустили на себя мрачный вид и принялись обсуждать политику. Некоторые англomаны даже поддались сплину: несколько бравых вояк покончили с собой, разочаровавшись в жизни, а мадемуазель Жермансе, выступавшая в труппе Вокхолла, славила на весь Париж изумительной бледностью: она приобрела ее, попытавшись в порыве ревности отравить себя опиумом.

Иногда импульсом к изменению моды становились политические события. Так, в октябре 1781 г. в сражении при Йорктауне американские и французские войска под командованием Вашингтона и Рошамбо вынудили к капитуляции британскую армию Корнуоллиса. Эта победа означала окончание военных действий в Войне за независимость США. Сразу после этого в парижских туалетах произошла удивительная перемена, которую удачно описывает Том Рейсс в своей биографии генерала Дюма:

Внезапно парижская мода... подхватила стиль *à l'Amérique*: портные шили «повстанческие кителя» и «платья с молниеотводами» (в честь Бена Франклина, с двумя проводками, свисающими до земли). Парикмахеры создавали прически *à la Boston* и *à la Philadelphia*. Модистка королевы сделала шляпку *à la John Paul Jones* — в виде яркого плюмажа, которым Ее Величество очень хотела бы увенчать головной убор американского героя-моряка. Другая шляпка очень точно изображала парусный корабль в полном вооружении, включая такелаж, мачты и пушки, в честь недавнего морского сражения с британцами. Мелкий,

Секретарь прокурора
у цирюльника

Гравюра по рисунку К. Верне

Иллюстрации
из журнала «Кабинет мод»
от 1 августа 1786 г.
и от 1 ноября 1786 г.

но красноречивый симптом растущего когнитивного диссонанса: к концу того же года парижская полиция запретит название новейшей женской прически — *aux insurgents*, но не саму прическу, что только сделает стиль еще более популярным.

Готовность слепо следовать моде, безусловно, свидетельство о некотором легкомыслии парижан. Но выбор одежды и прически иногда становился делом принципа и даже отражением политических пристрастий. Так, в августе 1787 г., в разгар очередного обострения противоречий между Парижским парламентом и королевской властью, судейские чиновники Шатле возмутились тем, что один из прокуроров осмелился появиться перед ними в черной мантии и длинном парике. В этом одеянии не было ничего необычного, напротив, оно было вполне традиционным. Но тем самым прокурор словно подчеркивал свою лояльность «министерству». Разозлившись магистраты призвали парикмахера и заставили его соорудить ретрограду новую прическу с бантом на затылке. Вообще при каждом взрыве политических страстей «патриотически» настроенная молодежь выступала против «старых париков» и придумывала какие-то новые элементы одежды, чтобы выделяться ими на общем фоне.